

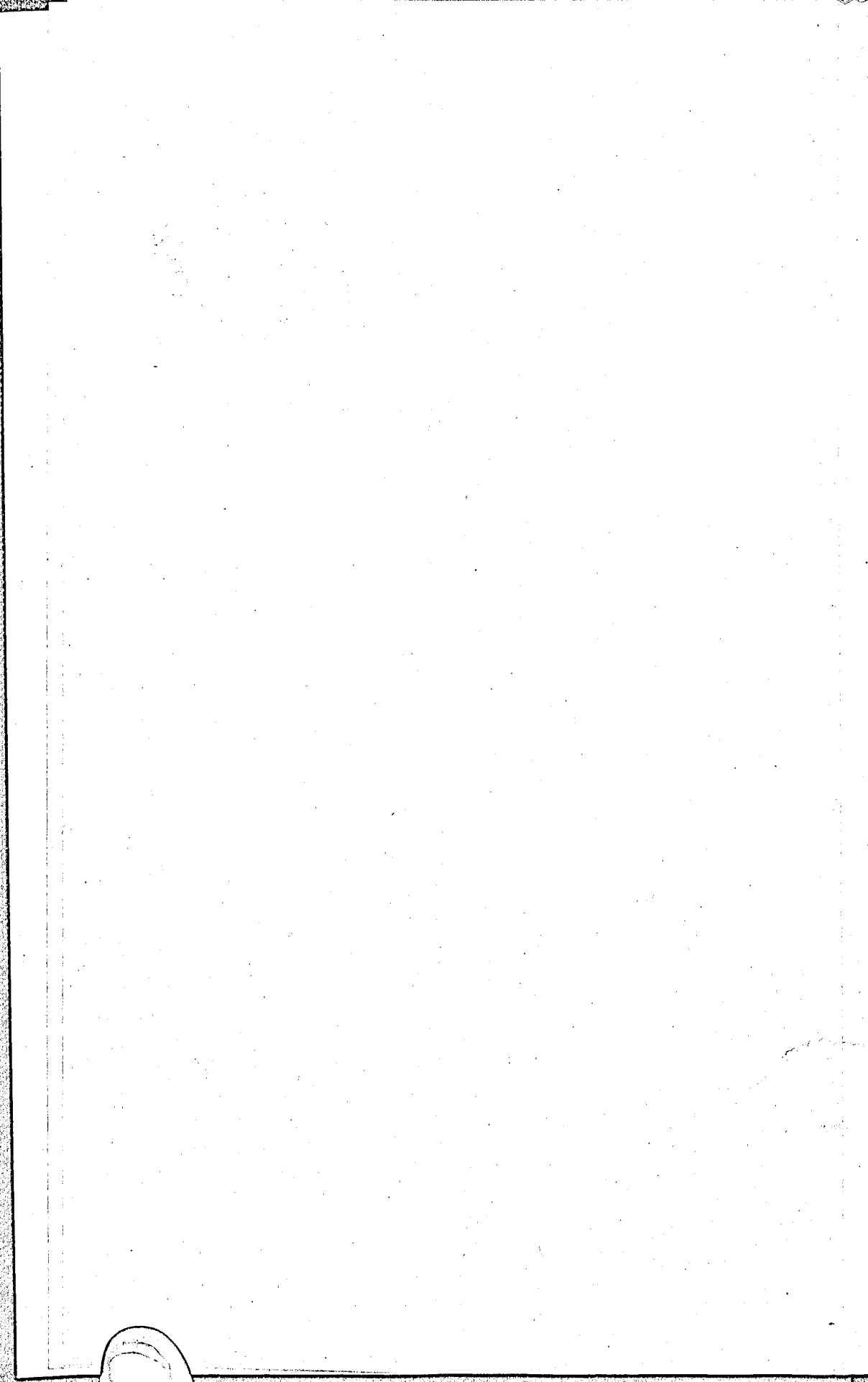
Новая серия, выпуск 172
Исторические науки, книга 37

ТРУДЫ
Ташкентского
государственного университета
им. В. И. Ленина

Археология Средней Азии

V

Ташкент — 1960

К ЛХХ ЛЕТИЮ ПОЧЕТНОГО ЧЛЕНА КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ АКАДЕМИКА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СТРУВЕ

(От редакции)

Среди крупнейших советских ученых, чья деятельность связана была, помимо центральных научных учреждений, также и с Ташкентским Государственным Университетом им. В. И. Ленина, стоит один из выдающихся историков, академик Василий Васильевич Струве. В 1959 году университет с особым чувством принимал участие в его чествовании в связи с 70-летием со дня его рождения.

Принадлежа к высоко культурной семье, давшей ряд видных ученых астрономов и геодезистов, являясь правнуком Василия Яковлевича Струве (1793—1864), знаменитого основоположника Пулковской обсерватории, как «астрономической столицы земного шара», Василий Васильевич избрал себе совершенно иное поприще. В 1911 году он закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где получил основательные знания, изучив, кроме нескольких древних восточных языков, также древнегреческий и латинский. По окончании университета, Василий Васильевич сразу включился в качестве ученика академика Б. А. Тураева в изучение проблем, связанных с классическими западными странами древнего Востока, в первое время преимущественно Египта. Уже в 1912 году вышла из печати его первая научная работа — «Коптский папирус из коллекции проф. Тураева», ХВ, 1, вып. 2, СПб., 1912, а за протекшие с тех пор 47 лет упорного плодотворного труда из под его пера вышло свыше двухсот исследовательских публикаций, принесших ему заслуженную известность. Труды В. В. Струве — достойный вклад в советское востоковедение. В мае 1928 года на заседании Ученого совета ЛГУ им была блестяще защищена диссертация на степень доктора исторических наук, а в 1935 году он уже был избран действительным членом Академии наук СССР.

Нелегко был путь ученого, начатый еще до первой мировой войны, когда его учитель со своей школой учеников и большинство коллег из числа ориенталистов старшего поколения больше всего внимания уделяли вопросам истории религий стран древнего Востока и их связям с христианством, а проблемам социально-экономического порядка отводили в своих штудиях

далеко не первое место. У В. В. Струве, наоборот, с молодых лет четко выкристаллизовался интерес именно к изучению экономических и социальных отношений внутри обществ древнего Востока. В тогдашней науке над занятиями в этой области в значительной мере господствовали представления об «извечности» феодализма на Востоке. В противовес этой точке зре-

некоторых работ, выполненных по линии кафедры или при участии ее членов. Некоторые из этих сообщений связаны с многолетней коллективной темой «Изучение прошлого Ташкента и Ташкентской области». Так, в 1957 году по просьбе Комитета по делам охраны памятников культуры при Совете Министров УзССР профессор М. Е. Массон руководил археологическим надзором над земляными хозяйственными работами на бугре ташкентского городища Минг-урук, который имеет определенное значение для выяснения древней истории современной столицы Узбекистана и изучением остатков которого кафедра попутно занималась с момента ее учреждения.

В 1957 году производителями работ на Минг-Уруке были воспитанники кафедры археолог упомянутого Комитета Д. Г. Зильпер и археолог Музея истории АН УзССР Ю. Ф. Буряков. Обобщение своих наблюдений 1957 и 1958 гг. за редкостным древним поселением Чаш-тепе в окрестностях Ташкента представила старший лаборант кафедры Н. И. Крашенинникова. Аспиранты С. Б. Лунина и З. И. Усманова по поручению кафедры (1954 г.) вели еще со студенческой скамьи длительные наблюдения над подвергающимися исчезновению остатками былого поселения на землях приташкентского колхоза Узгариш, бывшего селения Ногай-Курган. Накопившиеся при этом данные о керамических находках послужили авторам темой для их специального сообщения. По заданию кафедры ее выпускник Л. Н. Мережин в 1957 и 1958 гг. занимался хранениями в фондах Сурхан-Дарьинского областного музея археологическими материалами, собранными в 1936 году при проведении водопроводной траншеи через приамударьинское городище Термеза и оставшимися с тех пор необработанным. Одним из результатов их разбора Л. Н. Мережиным явилось его сообщение, подвергнутое обсуждению на 194-ом заседании кафедры и посвященное термезской керамике XII—начала XII вв.

По просьбе СПНРМ на протяжении последних лет профессор М. Е. Массон консультировал археологические исследования на ташкентском медресе Кукельташ XVI в., которые предшествовали осуществлению на нем реставрационных работ. Добытые при этом в стратиграфических шурфах керамические материалы были обработаны студентом-археологом Ш. Ташходжаевым и послужили темой для его сообщения. В связи с патронированием кафедрой ремонтно-реставрационных работ, осуществляемых на объектах средневековой архитектуры Отделом охраны памятников при Министерстве культуры Туркменской ССР в археологический кабинет САГУ поступил на обработку найденный в Куля-Ургенче и доставленный в Ташкент архитектором А. Н. Виноградовым осенью 1958 года уникальный, парадный кашинный сосуд XIV века, описание которого выполнено Г. А. Пугачевой. Наконец, к той же категории хроникального порядка относится информация, представленная на кафедру ее постоянным корреспондентом-ботаником П. А. Гомолицким, как всегда охотно осуществившим попутно некоторые археологические наблюдения при своем посещении летом 1958 года левобережья Сыр-Дарьи в районе средневекового Сюткента и прилегающей, мало кем посещавшейся части северных Кзыл-Кумов.

Поскольку все ранее выпущенные в новой серии «Трудов САГУ» сборники работ кафедры археологии Средней Азии представляют собой библиографическую редкость, в конце настоящего издания в виде приложения приведено оглавление их содержания.

О. В. Обельченко

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗВЕДЕНИЯ СТЕНЫ БУХАРСКОГО ОАЗИСА — КАМПЫР-ДУВАЛ

К Бухарскому оазису с северо-востока и востока примыкают степи Малик-чуль и Карнап-чуль. По границе этих степей проходит оплывший вал древней стены Кампыр-Дувал. В восточной части оазиса Кампыр-Дувал, большей частью, проходит по границе степи и солончаковой пустоши, которая отделяет стену от культурных земель оазиса. Остатки стены в 1896 г. обследовались Н. Ф. Ситняковским, проследившим ее от Кизил-тепе до Абумуслим-тепе и далее вдоль южного берега р. Зарафшан по направлению к кишлаку Хазара¹.

Отрезок Кампыр-Дувала у ст. Кую-Мазар был обнаружен в 1930 г. Е. К. Алексеевко² и обследован в 1934 г. В. А. Шишкиным³, а в 1952—1953 гг. автором настоящей статьи изучался участок стены к северу и югу от ст. Кую-Мазар Ашхабадской железной дороги.

Во время этих работ в двух пунктах были сделаны разрезы Кампыр-Дувала и опущены шурфы на городища Лявандак и Ходжа-Аджуванди-тепе, которые как крепости входили в систему стены.

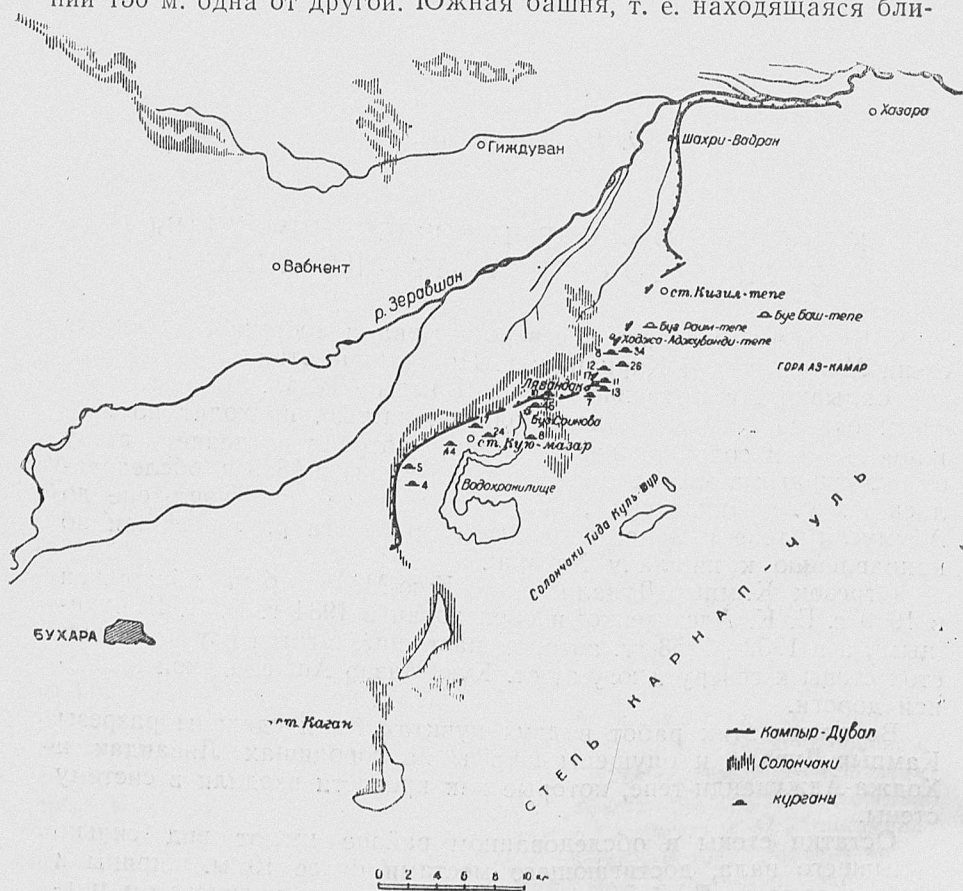
Остатки стены в обследованном районе имеют вид сильно оплывшего вала, достигающего местами более 10 м. ширины и 1—2 м. высоты. Гребень вала покрыт большим количеством мелкой гальки, которой усеяна прилегающая к ней безжизненная степь.

Узкая полоса солончаков между валом и оазисом до недавнего времени была заболочена и покрыта густыми зарослями камыша, в которых водилось много дичи. В 3,5 км севернее ст. Кую-Мазар стена проходит у подножья холмов, на которых расположены курганные насыпи, а самый крупный из бугров — Соинова — в древности был дахмой, куда выносились трупы для очищения костей.

Вскрытие вала западнее ст. Кую-Мазар не дало никакого археологического материала. Под натечными слоями был обнару-

жен волокнистый гипс с включениями галечника. В этой части стена под действием времени разрушилась до основания, что указывает на низкое качество строительных материалов.

В районе бугра Соинова, у подошвы холмов, в стене имеются две сильно оплывшие, круглые в плане башни в виде бугров высотой в 2,5 м. Башни трехчетвертные и расположены на расстоянии 150 м. одна от другой. Южная башня, т. е. находящаяся бли-

Схематическая карта восточной части Бухарского оазиса.

же к станции Кую-Мазар и примыкающий к ней вал стены были вскрыты. Вскрытием было установлено, что стена поставлена на гипс с галечником, а оплывы состоят из глины темносерого цвета. На внешней стороне вала внизу под толстым слоем темносерой глины были обнаружены несколько рядов сырового кирпича, положенного прямо на гипс. Кирпич размером $42 \times 22 \times 7$ см. сделан из той же темносерой глины с включением галек. Сохранность кирпича настолько плохая, что с трудом прослеживались швы.

Консистенция глины кирпича и толстого слоя глины над ним совершенно одинакова и, следовательно, оплывшие стороны вала не что иное как сильно разрушившийся под действием осадков кирпич. По всей вероятности и те натечные слои, которые были обнаружены в разрезе Кампыр-Дувала севернее станции, являются ничем иным как сильно разрушившимся кирпичом.

При вскрытии башни было установлено, что она сложена из сырцового кирпича того же качества и тех же размеров, что и стена. В верхней части башни сохранились несколько рядов кирпича, положенного вперевязку на растворе из глины с большим количеством галек. В настоящее время этот глиняный раствор вымылся дождями и сохранились только гальки, обильно встречающиеся в сильно разрушенном кирпиче. Ниже шел слой толщиной около 80 см. из совсем разрушившегося кирпича, который неполностью прослеживался только местами. И у самого основания башни были вскрыты 4 ряда такого же кирпича, но несколько лучшей сохранности. Башня в плане имеет вид не совсем правильного круга диаметром по основанию 11,8 м. Основанием башни служила круглая площадка указанного диаметра из двух рядов кирпича, положенного на почвенный слой с галькой толщиной 10—15 см. Кладка же самой башни отступает внутрь на 1,1 м. от внешней кромки площадки. Кладка башни и ее основания, играющего роль разгрузочной площадки, очень небрежная. На внешней поверхности башни штукатурка отсутствует.

Сравнение глины кирпича и глины, взятой на солончаке, показало их однородность. Следовательно строители стены пользовались материалом, находящимся на месте, т. е. употребляли для выделки кирпича землю, взятую на солончаке.

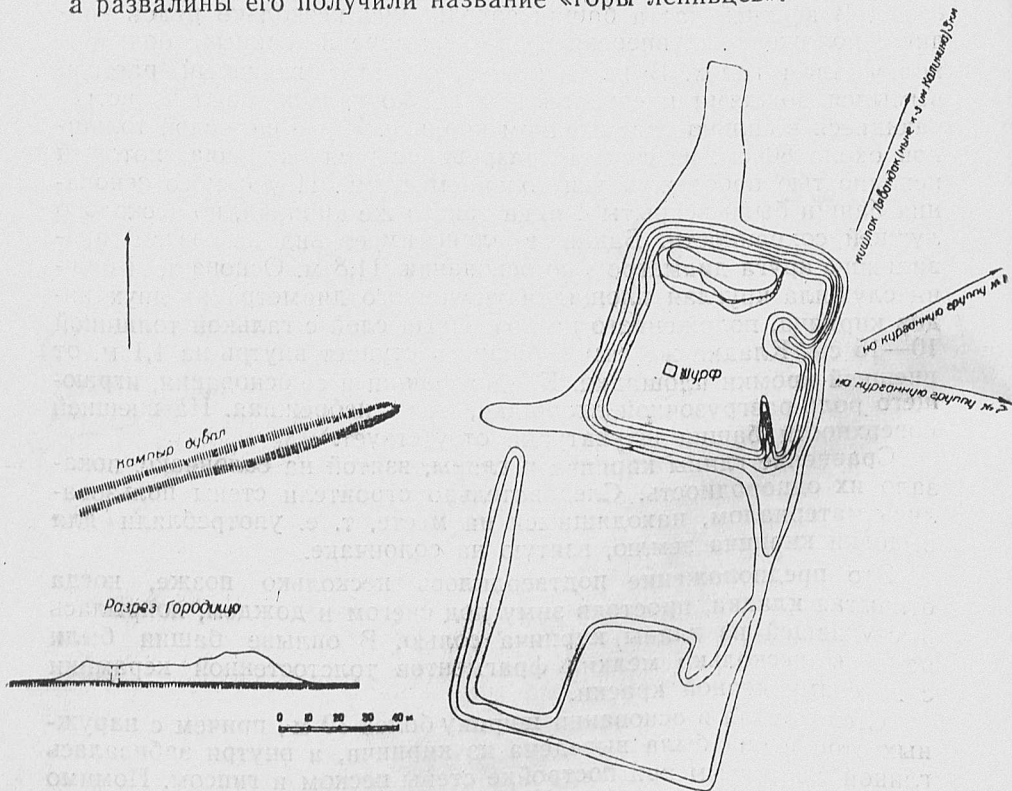
Это предположение подтвердилось несколько позже, когда открытая кладка, простояв зиму под снегом и дождем, покрылась выступившей из глины кирпича солью. В оплыве башни были найдены несколько мелких фрагментов толстостенной керамики с натёками черной краски.

Стена имела в основании ширину более 10 м., причем с наружных сторон она была выведена из кирпича, а внутри забивалась глиной и вынутым при постройке стены песком и гипсом. Помимо башен в систему сооружений стены входили небольшие рабаты, в которых располагались гарнизоны для несения службы. Руины одного из таких рабатов находятся в 15—17 км. северо-восточнее станции Кую-Мазар в 3 км. юго-западнее кишлака Лявандак и носят то же название.

Городище Лявандак находится в равнинной местности, которая с севера, востока и юга окаймляется возвышенностью с курганными насыпями на ней. Среди местного населения бытует легенда о городище Лявандак, название которого в народной этимологии — «ленивая гора» или «гора ленивцев».

По легенде, рассказанной местными старожилками, во «времена Султана Хусейна», сюда привозили всех ленивцев, не желаю-

щих работать и не могущих себя прокормить. Здесь они жили, проводя все свое время в полном бездельи. Они были настолько ленивы, что когда однажды случился пожар, никто из них даже пальцем не шевельнул для того, чтобы потушить его. Пожар разрастался, горели дома с их ленивыми обитателями, тогда один из них, охваченный пламенем, начал умолять, чтобы его облили водой, сам же, верный своей лени, не делал никаких попыток потушить огонь пока не сгорел. Пожар уничтожил «город ленивцев», а развалины его получили название «горы ленивцев».

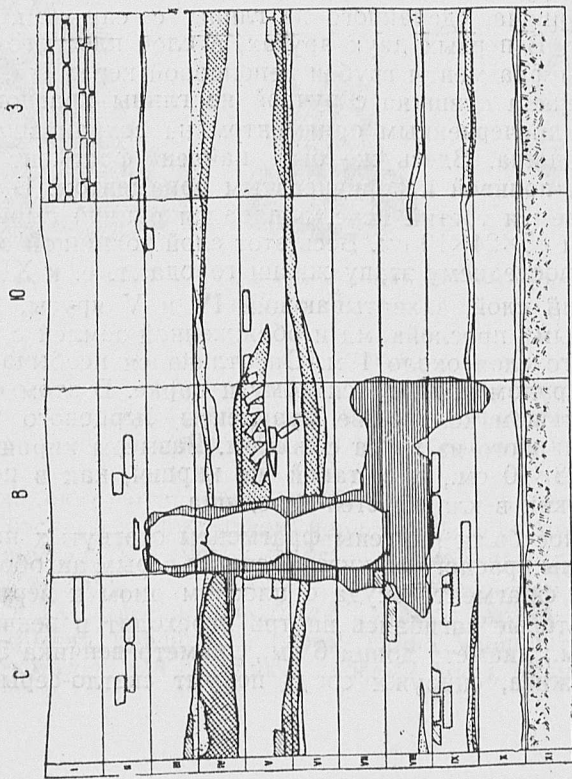

Схематический план городища Лявандак.

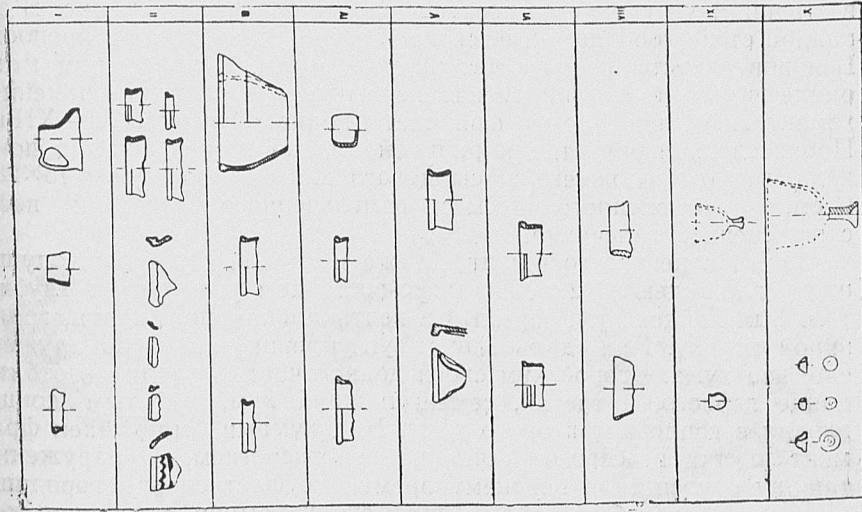
Городище состоит из двух частей, северной, собственно самого городища и южной пристройки. Городище входит в систему стены Кампыр-Дувала, которая подходит с юго-запада к городищу (северо-восточнее она распаханна). Равнинная местность, окружающая городище в недавнем прошлом, распахивалась и на ней делались посевы. От стены Кампыр-Дувал в северной части городища сохранился небольшой отрезок несколько возвышающийся над ровной местностью. Городище в плане квадратное, ориентированное двумя параллельными стенами на северо-северо-восток и юго-юго-запад. Длина стен городища, по оплыву, 70 м., высота их в

Городище Лявондак

Развертка шурфа

- Плотный слой
- Зольный слой с железом
- Слой обожженной земли с углем
- Зеленоватая земля
- Кирпич из глина
- Глиняк
- Кирпич из глины

Разверстка стен шурфа на городище Лявондак.

самой высокой точке, 11 м. Внутри городище ровное и только в северном углу имеется возвышенность, овальная в плане. В западной стене городища имеется впадина — бывший въезд в крепость. Вся поверхность покрыта черепками посуды. В подъемном материале встречаются фрагменты керамики кушанского времени с характерным лощением и фрагменты поливной посуды XI—XII вв. Произведенная зачистка кирпичной кладки стен городища показала, что они сложены из сырцового кирпича размером $45 \times 28 \times 9$ см, приготовленного из смеси измельченного гипса и песка с включением галечника.

Почти в центре городища, ближе к южной стене был опущен шурф площадью 2×2 м. В северо-восточном углу его на глубине 1 м. был найден хум, зарытый в вертикальном положении, горловиной кверху. При дальнейшем углублении были обнаружены еще два хума. Второй хум своей донной частью входил в отбитое дно первого, а третий, самый нижний хум, отбитым дном входил в горловину второго хума. Над хумами был найден фрагмент плитки из серого песчаника с отверстием. Обнаруженное ташнау относится к позднему времени существования городища: в нижнем хуме был найден фрагмент керамики с молочно-желтоватой поливой и коричневатым геометрическим орнаментом в виде пояса из зигзагов с точками (X—XI вв.). Около хумов и под ними земля имела зеленоватый цвет.

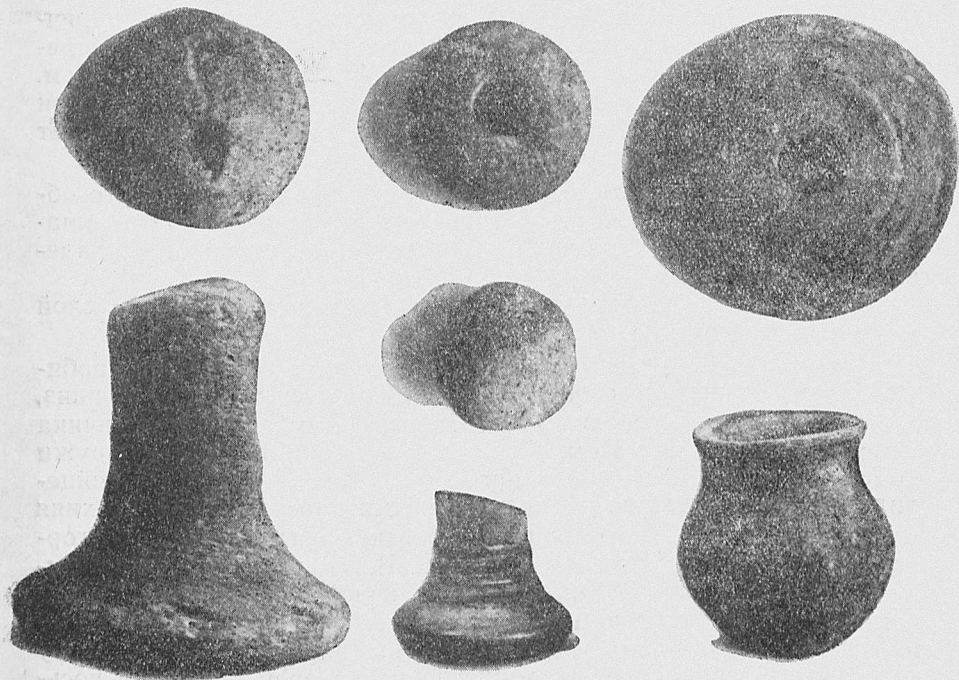
В первом ярусе западная стенка шурфа совпала с кладкой из сырцового кирпича, сделанного из глины с саманом, размером $36 \times 22 \times 10$ см. В первых двух ярусах, в слое плотного серозема, были найдены фрагменты грубой неполивной керамики, среди них фрагмент венчика кувшина с ручкой из глины красного обжига, фрагмент плечиков кувшина. Здесь же был найден фрагмент керамики с кремоватой поливой и коричневатым орнаментом. В этом слое, захватывающем и третий ярус, попадался ранний сырцовый кирпич размером $45 \times 24 \times 10$ см. Весь этот слой толщиной около 1,5 м. относится к последнему этапу жизни города, т. е. к XI—XII вв.

Следующий слой, захватывающий IV и V ярусы, начинается сверху зольными прослойками и обожженной землей с угольками. Толщина этого слоя около 1 м. Он отличался необычайной плотностью и с трудом поддавался лому и кирке. В этом слое встречались в большом количестве фрагменты сырцового кирпича и кирпича сделанного из гипса с песком. Размеры кирпича $45 \times 25 \times 10$ см., $45 \times 28 \times 10$ см., т. е. такой же кирпич, как в первом слое и такой же, как в кладке стен городища.

В этом слое были найдены фрагменты отогнутых наружу венчиков из глины красного обжига со светло-серым ангобом снаружи. Найден был фрагмент сосуда с плоским дном и вертикальными стенками, которые загибаясь внутрь переходят в венчик. Высота сосуда 5,5 см., диаметр донца 6 см., диаметр венчика 5 см. Глина красного обжига, снаружи сосуд покрыт светло-серым ангобом.

Внизу этого слоя, в V ярусе, был найден фрагмент венчика диаметром 44 см. из глины красного обжига со светло-серым ангобом хорошего качества на внешней поверхности. Массивный венчик сосуда отогнут наружу. Под венчиком на стенке сосуда имеется плоский изогнутый налеп орнаментированный насечками. Налеп и насечки были сделаны до покрытия сосуда ангобом.

Следующий, почти 2-х метровый слой также начинался с обожженной земли с угольками и был такой же плотности, как и предыдущий. Под слоем обожженной земли, местами достигающем

Пряслица, глиняный шарик, сосуд и ножки кубков из нижнего слоя городища Лявандак.

толщины 10—15 см., находились тонкие зольные слои. В этом культурном слое попадался кирпич из глины и гипса тех же размеров, что и в вышележащих слоях. Керамические находки состояли из фрагментов хумов со светло-серым ангобом и натеками черного цвета.

Из находок в этом слое необходимо отметить фрагменты венчиков сосудов с покрытием черноватым ангобом снаружи и красным внутри. У одного фрагмента венчика снаружи была небольшая выемка.

Ниже, в IX ярусе шурфа были найдены ножка миниатюрного кубка, покрытая красным ангобом, глина черноватого обжига в середине, и маленький сосудик с плоским дном, округлым туловом

и слегка отогнутым наружу венчиком. Высота сосудика 3,5 см. Сосудик сделан из глины красного обжига, грубой лепкой от руки. Внешняя поверхность сосудика после лепки была обработана острым инструментом. Неподалеку от этого сосудика был найден маленький глиняный шарик.

В X ярусе шурфа, под тонкой прослойкой обожженной земли и золы, на материковой поверхности были найдены три пряслица и ножка кубка. Одно пряслице конической формы сделано из керамического шлака темносерого цвета; диаметр его 3 см. Второе пряслице полусферической формы из глины красновато-коричневого обжига, диаметром 2,5 см. И в третье пряслице был превращен профилированный поддон ножки, кубка диаметром 4 см. (ножка была отбита и в поддоне просверлено отверстие). Поддон ножки сделан из глины красноватого обжига, снаружи он покрыт красным ангобом и лощением по нему.

Ножка кубка высотой 6 см. сделана из глины красноватого обжига, с чернотой в изломе. Она имеет полый круглый поддон диаметром 5 см. Снаружи ножка покрыта чуть заметными спиралевидными выступами.

На глубине 5 м. культурные слои кончились и начался слой материкового гипса с галькой.

В гребне южной стены городища была найдена хумча с пробитым дном. Хумча была опущена в гребень стены венчиком вниз, а пробитым дном—кверху. Высота хумчи 42 см., диаметр венчика 12 см., диаметр дна 13 см. Глина красноватого обжига, снаружи хумча покрыта светло-серым ангобом. Тулово хумчи имеет яйцевидную форму, нижняя часть переходит в плоское дно, а верхняя в крутые плечики, переходящие в короткую цилиндрическую горловину с отогнутым наружу венчиком. Внешняя поверхность хумчи по ангобу покрыта орнаментом из красной краски. Геометрический орнамент состоит из полос, нанесенных в виде пересекающихся «арок», расположенных по вертикали. При взгляде сверху на плечиках хумчи пересекающие вершины арок образуют восьмиугольную звезду. Промежутки между полосами заполнены орнаментальными завитками, исполненными той же красной краской. Сверху по венчику хумчи нанесен орнамент в виде пятнышек красной краской.

На сstatке Кампыр-Дувала, сохранившемся у северо-восточного угла городища, был найден фрагмент ножки кубка с частью донца. Этот фрагмент кубка сделан из глины черноватого обжига внутри и красного по краям. Снаружи он покрыт красным ангобом и лощением.

С юга к городищу примыкает площадь квадратная в плане, огороженная когда-то стеной, сохранившейся в виде вала. Длина сторон этой части 90 м. Внутри поверхность огороженной площади ровная и только в южном углу она повышается, указывая на бывшие здесь постройки. Вал сохранился на высоту до 1,5 м. На поверхности этой части городища были найдены несколько фраг-

ментов неполивной керамики и несколько мелких фрагментов керамики с кремоватой поливой. Эта часть, очевидно, является поздней пристройкой.

Городище Ходжа-Аджуванди-тепе расположено на восточном берегу канала, подающего воду из р. Зарафшан в Кую-Мазарское

Хумча из гребня стены.

водохранилище, близ одноименного мазара. На западном берегу канала расположены поля, подходящие к кишлаку Лявандак. Мазар Ходжа-Аджуванди находится в 150—200 м. восточнее городища и представляет собой ряд купольных помещений с двориком, находящимся у заднего фасада, огороженным дувалом. Внутри этого дворика находится глиняная сагана больших размеров. По

словам местных жителей-узбеков это могила палвана Ходжа-Аджуванди. Жил он, по тем же рассказам, 4 тысячи лет назад и отличался богатырским телосложением. Он был такого высокого роста, что брал рыбу, поднимал ее к солнцу и зажаривал. Чем занимался этот «святой» и чем он прославился — никто из местных жителей сказать не мог.

Городище Ходжа-Аджуванди-тепе, округлое в плане, находится в равнинной местности. С севера к нему подступают поля, с юго-востока делянки клевера. За посевами клевера начинается степь Карнап-чуль, местность повышается и переходит в возвышенности, на которых находятся курганы.

В северной части городища находится округлая в плане цитадель, возвышающаяся на 7 м. над уровнем окружающей поверхности. Поверхность цитадели всхолмленная, неровная, но план помещений прочесть невозможно. Стены городища оплыли и в западной части в них имеется впадина — бывшие ворота города. В юго-восточной части городища видны следы построек, одна из которых, в виде сырцового свода, выложенного прямыми отрезками, сохранилась поныне. Помещение перекрытое этим сводом засыпано землей и обломками кирпича. Свод помещения выложен из кирпича, приготовленного из глины, гипса и гипса с галькой; размер кирпича 45×28×10 см. Ширина этого свода 1,7 м., высота от современного уровня до потолка 1,5 м. С северной стороны свод открыт, а с южной заложен сырцовым кирпичом тех же размеров.

Поверхность городища усеяна черепками, среди которых встречаются фрагменты керамики кушанского времени из глины красного обжига и поливной керамики XI—XII вв. Среди подъемного материала много фрагментов хумов. Местные жители рассказывали, что они часто находили на городище разбитые хумы, в которых были человеческие кости. Появление этих хумов с костями они объясняли рассказом о имевшем место в «очень давние времена» наводнении. «Большая вода» пришла с Зарафшана и затопила всю местность. Люди, спасаясь, садились в хумы и плавали в них. Но поднялся сильный ветер, хумы сталкивались друг с другом, разбивались и люди с обломками хумов тонули.

В северо-восточной части стены цитадели снаружи имеется большая трещина. В этом месте пахсовая обкладка более древних стен отвалилась, обнажив поверхность стены сложенной из сырцового кирпича. Рубашка, покрывающая стену, сделана из пахсы с большим количеством гальки. В этой пахсе находится много фрагментов боковых стенок хумов с натеками черного цвета. В обнажившейся стене сохранились стреловидные бойницы шириной 17 см. и длиной около 1 м., нижняя часть бойниц не сохранилась потому, что стена внизу обрушена. Бойницы представлены в стене на расстоянии 1,2 м. одна от другой. Внизу под бойницами, в результате обвала в стене образовалось отверстие, через которое хорошо видна кладка кирпича, из которого сложе-

Холокоровое поле

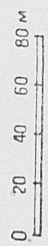
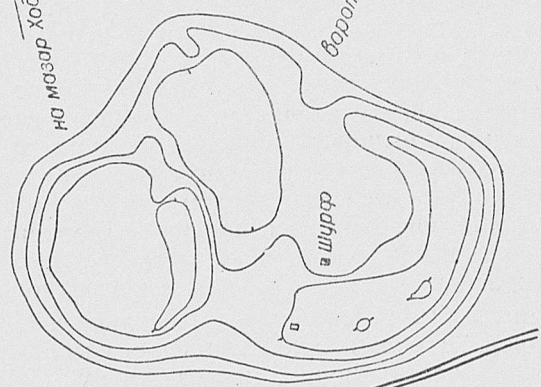
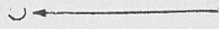
на мазар Ходжа-Аджубанди

до кирдани № 14 - 500 м

ворота

канал

на развед № 87

а-Сырцобыи сби

Схематический план городища Холжа-Аджубанди-тепе.

на стена. Между горизонтальными рядами кирпича положен очень толстый слой глины, местами достигающий толщины 17 см. На 80 см. кладки приходится 5 рядов кирпича, сделанного из гипса и гипса с галькой. Основной размер кирпича, уложенного в стену, 45×28×10 см.

На городище в самой низменной части был заложен шурф. Он прорезал трехметровую толщу культурных слоев в этом месте, но четкой стратиграфии слоев получить не удалось. Слои оказались мешанными. Из керамических находок в шурфе следует отметить фрагмент боковой стенки сосуда с венчиком и ручкой, увенчанной мордой собаки. Этот фрагмент был найден в 5 ярусе на глубине 2,4 м. Глина этого фрагмента красновато-коричневого обжига, снаружи нанесена черная краска, которая не полностью покрывает поверхность, а оставляет вытянутые «глазки» темно-серого ангоба. Судя по фрагменту сосуд вылеплен от руки.

Там же был найден фрагмент боковой стенки сосуда с изломанным профилем и прямым венчиком. Сосуд был изготовлен на гончарном круге, глина красного обжига с чернотой в изломе. Снаружи фрагмент покрыт черноватым ангобом. В этом же V ярусе был найден фрагмент боковой стенки сосуда с отогнутым наружу и поднятым кверху венчиком. Сосуд был сделан на гончарном круге, глина красновато-коричневого обжига. На плечике сосуда под венчиком до обжига сделано круглое отверстие. Такого же типа и с таким же отверстием фрагмент был найден в VI ярусе. На материковой поверхности в шурфе был открыт слой фрагментов хумов из глины красного обжига со светлосерым ангобом снаружи и раскраской по нему в виде натеков черного цвета.

В III и IV ярусе были обнаружены несколько небольших клинчатых кирпичиков из обожженной глины с саманом. Широкая, овальная в плане, часть кирпича имеет длину 12 см., ширину 6,5 см. Вверху кирпич утончается с обеих сторон, принимая форму клина. Высота кирпича 17 см. Кирпич покрыт светло-серым ангобом, по широкому боковому стенкам нанесены полосы черной краской. В нижней части сделаны круглые сквозные отверстия, широкие боковые стороны обожжены огнем.

В V ярусе была найдена большая глиняная кружка с ручкой, ручной лепки. Кружка покрыта светло-серым ангобом и раскрашена аморфными пятнами марганцевого цвета. Высота кружки 11 см., диаметр венчика 12 см., диаметр плоского донца 12 см.

В VI ярусе был найден фрагмент донца (кубка?) из глины красного обжига с красным ангобом и легким лощением по нему. Судя по находкам и отчетливо читаемым наклонным прослойкам в шурфе в этом месте был завал из мусора, в которой попала керамика разных времен.

Вскрытие остатков Кампыр-Дувала в двух местах не дало никакого археологического материала, по которому можно было бы судить о времени возникновения стены, поэтому определение времени возникновения городищ, входящих в систему стены Кам-

мыр-Дувал играет особую роль при рассмотрении вопроса о времени возникновения стены. Допустить предположение о том, что эти рабаты возникли сами по себе, независимо от строительства стены, нельзя, ибо совсем непонятно тогда будет их расположение на границе пустынной степи, вдали от места прохождения торговых путей. Если о городище Ходжа-Аджуванди-тепе, учитывая его план и размеры, можно допустить предположение о возникновении здесь небольшого города до возведения стены, то о городище Лявандак этого сказать нельзя потому, что оно имеет вид остатков крепости, правильную конфигурацию плана, почти квадрат, что характерно для городищ, возникших в эллинистическую эпоху⁴.

Анализ же керамических изделий, найденных в нижних культурных слоях этого городища, подтверждает высказанное выше предположение. Найденные в IX и X ярусах шурфа ножки кубков несомненно относятся к первым векам до нашей эры. Крупная ножка кубка аналогична ножке кубка из кургана № 22 на поле № 2 Кую-Мазарского могильника⁵. Миниатюрная ножка кубка, найденная в IX ярусе идентична ножке, найденной в шурфе на городище Муг (Ура-Тюбе), которая так же, как и ножка кубка с городища Лявандак покрыта красным ангобом без лощения. В слое рубежа н. э., где была найдена ножка кубка, в шурфе на городище Муг было найдено пряслице, аналогичное пряслицу полусферической формы из того же яруса, что и ножка кубка с городища Лявандак.

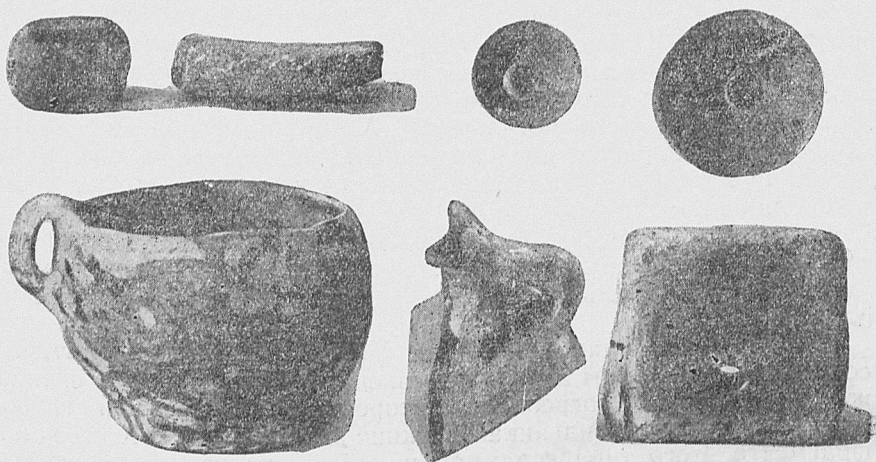
Характерными находками для VIII яруса были фрагменты сосудов с черноватым ангобом на внешней поверхности, т. е. такой же посуды как в погребениях второй хронологической группы Кую-Мазарского могильника⁷. Нижние два яруса IX и X ни одного фрагмента этого типа керамики не дали, она характерна только для вышележащего VIII яруса. По аналогии с керамикой могильников можно установить, что керамика двух нижних ярусов одинакова с керамикой погребений первой хронологической группы, а керамика VIII яруса одинакова с керамикой погребений второй хронологической группы.

В VI ярусе, в слое, покрывающем слой с фрагментами сосудов с черноватым ангобом, были найдены фрагменты боковых стенок хумов с раскраской, в виде натеков марганцево-черного цвета, т. е. с такой же раскраской, как у хумов с костями, опущенных в насыпи Кую-Мазарского могильника.

Интересно отметить, что стратиграфическое расположение находок фрагментов керамических изделий из шурфа на городище Лявандак полностью совпадает с хронологическим делением погребений могильников⁸. В керамике, найденной в шурфе на городище Лявандак четко прослеживаются три типа, синхронных трем типам керамики из погребений в могильниках, из которых самой древней является керамика, покрытая красным ангобом и иногда лощением по нему, как например на пряслице, сделанном из

поддона кубка, найденном в X ярусе шурфа. Следующим типом керамики, совершенно отличным от предыдущего, является керамика, покрытая черным ангобом без лощения. И последним типом керамики, наряду с другими формами, которые не так интересны в данном случае, являются фрагменты боковых стенок хумов с марганцево-черной раскраской в виде натеков.

Материал, полученный при опускании шурфа на городище Ходжа-Аджуванди-тепе не имеет четкого хронологического членения, потому, что в данном пункте слои оказались мешанными. Нижний слой, покрывающий материковый гипс, состоял из большого количества фрагментов боковых стенок хумов с раскраской

Пряслица, зернотерка и пест, клинчатый кирпич, фрагмент венчика сосуда с собачьей мордой и кружка из шурфа городища Ходжа-Аджуванды-тепе,

в виде натеков марганцево-черного цвета. В этом завале фрагментов хумов была найдена целая кружка с ручкой из глины красного обжига и марганцевого цвета пятнистой раскраской, а выше этого завала — фрагмент боковой стенки сосуда с венчиком и ручкой заканчивающейся у венчика изображением собачьей морды. Подобные зооморфные ручки сосудов, хорошо известны в Средней Азии и свойственны культуре первых веков н. э. Кувшины с ручками в виде животных также известны и по находкам в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе, где они имеют широкое распространение в I в. до н. э. — III в. ч. э. Эти ручки играли роль оберегов содержимого в сосудах, ибо по представлениям кавказских народов в сосуд с зооморфной ручкой «шайтан не влетит»⁹.

По технике изготовления этот фрагмент сосуда с ручкой одинаков с керамикой из погребений второй хронологической группы

могильников и керамикой VIII яруса из шурфа на городище Лявандак. Массивная глиняная кружка по технике выделки и раскраске близка к фрагментам хумов, в слое которых она и была найдена.

Выше, в III и IV ярусах шурфа, были найдены клинчатые кирпичики из обожженной глины с саманом. Одна из сторон этих кирпичиков носит следы обжига огнем. Точно такие же кирпичики были найдены С. К. Кабановым, который считает их подставками для вертела, на городище Мудин-тепе¹⁰, в слое МТ-2 и на городище Шор-тепе в Кашка-Дарьинской области¹¹.

Найденные в Каршинском оазисе кирпичики, по находкам монет на Шор-тепе, датируются III—V вв. н. э.¹², следовательно к этому же времени, а более точно, к концу этого периода, можно отнести и кирпичики с городища Ходжа-Аджуванди-тепе. Таким образом, в шурфе на городище Ходжа-Аджуванди-тепе объекты более позднего времени оказались ниже лежащими, нежели объекты более ранние. Яркой иллюстрацией, дополняющей картину смещения культурных слоев, является находка в VI ярусе, т. е. самом нижнем, фрагмента хума с венчиком, под которым сделано, до обжига, небольшое отверстие. Венчик хума имеет с внутренней стороны уступ для крышки. Точно такие же венчики и с такими же отверстиями под ними имеются на хумах, найденных в Пянджикенте¹³. Очевидно в VIII—IX вв. в городке производились какие-то работы, при которых вся валявшаяся разбитая посуда была убрана и вместе с землей были засыпаны какие-то помещения или небольшие впадины. Необходимо напомнить, что в пахсовой рубашке, обтягивающей стену из сырцового кирпича со стреловидными бойницами, в большом количестве находятся фрагменты хумов с такой же раскраской. Такие же фрагменты хумов в большом количестве находились в кладке сырцового свода на городище. Аналогичный свод из сырцового кирпича имеется на городище Тахт-и-Сулейман (Иран); этот свод относится к парфяно-сасанидскому времени¹⁴.

При опускании шурфа в VI, самом нижнем, ярусе был найден фрагмент донца сосуда (кубка?) из глины красного обжига, покрытого снаружи красным ангобом и лощением по нему. Подобные черепки в большом количестве находятся на поверхности городища. Следовательно, на этом городище, так же как и на городище Лявандак, имеются два типа самой древней керамики, краснолощенной, и покрытой черным ангобом, однако первая, конечно, древнее. Судя по керамике оба городища возникли примерно в одно и то же время, причем, городище Ходжа-Аджуванди-тепе может оказаться и более древним, но для установления этого факта необходимо вскрыть нижние слои цитадели. Временем возникновения городищ можно считать первые века до н. э., что хорошо подтверждается находками в нижних слоях городища Лявандак. Время же возникновения городищ было и временем постройки стены Кампыр-Дувал, при строительстве которой воз-

водились небольшие крепостцы типа рабатов, служившие опорными пунктами, в которых размещались гарнизоны.

Остатки стен, окружавшие в древности оазисы, известны и в других районах Средней Азии. Так Самарканд со всеми прилегающими к нему районами в древности был окружен стеной, остатками которой известны под названием Дивари-Киямат¹⁵, область Шаша была окружена стеной, остатки которой носят название Кампыр-Дувал¹⁶. В 1934 г. Г. В. Григорьев обследовал отрезки этой стены в Янги-Юльском районе и считал временем постройки стены VIII в.¹⁷ Кампыр-Дувал на территории древней Ферганы был обследован в 1927 г. В. А. Шишкиным между станциями Мельниково и Веревкино¹⁸. Некоторые исследователи считали, что эта стена является продолжением стены древней Шаша¹⁹. Мервский оазис в III в. до н. э. был обнесен стеной по приказу Антиоха I Сотера (280—261). Остатки этой стены Антиоха в 1946 г. были обследованы С. А. Вязигиным²⁰.

Время возведения стены вокруг Бухарского оазиса не было до сих пор документально установлено наукой, но профессор М. Е. Массон при чтении своего курса «Историческая топография Бухары» уже много лет назад трактовал ее как сооружение, появившееся в пору расцвета рабовладельческого общества по приказу наместника халифа Мехди (775—785) в Хорасане. Вновь назначенного наместника в Хорасане приехали приветствовать военачальники и знатные люди Хорасана и Мавераннахра. Во время беседы приехавшие пожаловались на беспокойства, причиняемые набегами кочевников. Правитель Согды Язид ибн-Гурек, считая, что средством спасения от этих набегов является стена, которая, по его мнению, должна быть построена вокруг оазиса. Наместник приказал эмиру Бухары приступить к постройке стен; строительство их было закончено в 830 г.²¹

Однако в средневековых источниках есть указание на то, что в это время, т. е. в VIII—IX вв., были только возобновлены пришедшие в упадок старые стены, которые были построены каким-то древним согдийским царем²².

В 1934 году Кампыр-Кувал был обследован Зарафшанской экспедицией под руководством А. Ю. Якубовского, который сопоставив данные письменных источников с результатами полевых изысканий, пришел к выводу, что стена была возведена «...задолго до прихода в Среднюю Азию арабов»²³.

Археологические данные, полученные в результате опускания шурфов на городищах, позволяют уточнить высказывание А. Ю. Якубовского о времени возведения Кампыр-Дувала. Стена вокруг Бухарского оазиса, видимо, была построена в первые века до нашей эры, как это показывают находки в шурфе на городище Лявандак, а также находка на сохранившемся небольшом участке вала около северо-восточного угла городища фрагмента донца кубка с частью ножки, покрытой красным ангобом и лощением по нему.

Стратиграфический шурф на городище Лявандак в совокупности с данными, полученными в результате опускания шурфа на городище Ходжа-Аджувнади-тепе дает возможность установить время, в которое стена пришла в упадок. Гранью между культурными слоями, лежащими ниже V яруса и выше, является слой обожженной земли с угольками и золой. Этот слой проходит по нижней границе V яруса, выше которой находится завал из сырового кирпича. Если в нижних слоях городища встречались фрагменты керамики античного времени, то уже в IV и V ярусах встречаются фрагменты керамики VI—VII вв., в частности можно указать на фрагмент сосуда с массивным дугообразным налепом на внешней поверхности. Светло-серый ангоб и характерное украшение налепа насечками сближают этот фрагмент с хумом, найденным в насыпи кургана № 1 группы близ бугра Соинова. Период упадка жизни в крепостце и затем ее возобновления хорошо иллюстрируется сменой форм керамики и завалом, который образовался от пожара и последовавшего обрушения зданий. Период разрушения, судя по керамике, падает на IV—VI вв. н. э., т. е. на время кризиса рабовладельческой формации в Средней Азии²⁴. В конце этого периода восточная часть Бухарской области выходит из состояния упадка и наблюдается подъем, который виден по технике выделки керамических изделий, в частности хумов с раскраской, которые синхронны клинчатому кирпичикам, как об этом говорилось выше.

В период упадка жизни на городищах пришла в упадок и стена, которая была восстановлена в VIII—IX вв., как об этом сообщают письменные источники. Работами по восстановлению Кампыр-Дувала были охвачены и стены городища Ходжа-Аджувнади-тепе. Старые стены, сложенные из кирпича были одеты рубашкой из пахсы, в которой в большом количестве находятся фрагменты хумов с раскраской. На самом же городище производятся какие-то строительные работы, видимо, возведение новых зданий, при которых площадь выравнивается и фрагменты хумов попадают в землю, образующую ровные площадки, и в кладку зданий.

В науке принято считать, что стены, окружавшие в древности культурные земли оазисов, строились для защиты от набегов кочевников. Помимо этой главной причины строительства стен по мнению некоторых исследователей существуют и другие, в частности стены рассматриваются как защита от надвигающихся песков. М. Е. Массон считает, что одной из причин, побудивших Антиоха I окружить оазис древней Маргианы стеной, была боязнь наступления песков на плодородные земли оазиса²⁵.

Г. В. Григорьев, обследовав два участка стен в районе Янги-Юля, каждый из которых ограждал определенную территорию, пришел к заключению, что оседлое население защищалось не только от кочевников, но и что один феодал защищался от другого²⁶.

Изучение топографии остатков Кампыр-Дувала в восточной части Бухарской области подсказывает несколько отличную от приведенных выше мысль о причинах сооружения подобных стен. О географическом факторе не приходится говорить потому, что в данном районе движущихся песков нет и это не могло быть одной из причин возведения Кампыр-Дувала в восточной части, в отличие от западной части оазиса, которая в настоящее время засыпана геском. При рассмотрении вопроса о возведении стены, как оборонительного сооружения против набегов кочевников на оазис, сразу же бросается в глаза полная непригодность стены для этих целей в силу своего топографического расположения. Стена была возведена строго по границе земель оазиса со степью. Эта слепая привязанность стены к границе степи делает ее в некоторых местах совершенно непригодной для пужд обороны. В районе бугра Соинова вал стены на протяжении почти километра проходит у прилегающая к стене часть оазиса. Сама же стена, находясь внизу, не могла служить средством обороны для ее защитников, т. к. они могли подвергаться обстрелу с расстояния не более полсотни метров своими противниками, у которых была прекрасная возможность укрыться за складками местности и быть неуязвимыми. Возвышенность, которая доминировала над этим участком стены, давала также благоприятную возможность для нападающих появляться внезапно. Точно такая же картина наблюдается и в районе городища Лявандак, которое находясь в низине, охвачено с востока, юга и запада кольцом возвышенностей; такое положение дает противнику преимущество внезапного нападения.

Кроме того, весьма странным является также и то, что городище Пайкенд, бывшее одним из крупных центров ремесленной промышленности, в частности керамической²⁷, и одним из богатейших городов древней Бухары²⁸, находится вне стены Кампыр-Дувал. Кампыр-Дувал не охватывал всех бухарских рустаков, которых по Истахри было 22, а из них только 15 находилось внутри стен²⁹.

Очевидно, при постройке таких стен руководствовались не столько желанием защитить оазис от кочевников, сколько желанием удержать в повиновении население внутри оазиса. Для кочевников же преодолеть стену в каком-либо месте не составляло большого труда. И вполне, видимо, прав А. Н. Бернштам, который считал, что Кампыр-Дувалы не были надежной защитой от нашествия кочевников, а выполняли «полицейские» функции обуздания эксплуатируемых масс, населявших оазисы³⁰.

В VIII и IX вв. в Бухаре неоднократно вспыхивали восстания городского и сельского населения, подвергавшегося беспощадной эксплуатации. Достаточно вспомнить восстание 750—751 гг., во главе которого стоял Шарик ибн-Шейх аль-Мехри³⁴, движение «людей в белых одеждах» — восстание Муканна 776—783/784³², участие в восстании Рафи ибн-Ляйса 806—810 года³³ и другие.

чтобы на восстановление Кампыр-Дувала можно было посмотреть в совсем ином аспекте, нежели об этом сообщали средневековые источники.

Помимо чисто военных функций многочисленные работы в системе стены Кампыр-Дувал играли также немаловажную роль факторий, через которые шла торговля с кочевой степью. Это убедительно подтверждают работы Зарафшанской экспедиции 1939 года³⁴.

Работы по поддержанию стен ложились тяжким бременем на население оазиса. В X в. по распоряжению Исмаила Самани (874—907) эти работы были прекращены и стена начала приходить в упадок.

Раздираемое внутренними противоречиями феодальное государство Саманидов не в состоянии было поддерживать стену Кампыр-Дувал в надлежащем виде и не мощью, а слабостью этого государственного образования объясняется прекращение работ по уходу за стеной. Известные же слова Исмаила Самани — «пока я жив, я — стена Бухары», — были не более чем красивой фразой, которая, возможно, никогда не произносилась им, а была приписана ему льстивым придворным летописцем.

В XI—XII вв., когда наблюдался процесс бурного роста городов, жизнь в работах стены Кампыр-Дувал продолжалась с меньшей чем раньше интенсивностью. Это подтверждается наличием большого количества поливной керамики этого времени на городищах.

Примечания

1. Ситняковский Н. Ф. О древностях в районе нижнего течения Зеравшана. ПТКЛА, год III, № 3, Ташкент, 1898, стр. 89 — 93.
2. Массон М. Е. Некоторые результаты разбора археологических материалов, добытых при работах гидрогеологической партии М. М. Решеткина в Бухарском оазисе в 1930 г. Материалы по гидрогеологии Узбекистана, вып. 15, Ташкент, 1933, — 1935, стр. 187.
3. Шишкин В. А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947 — 1953 гг.). Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 9, примеч. 2.
4. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 36. Лавров, В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 23.
5. Обельченко, О. В. Кую-Мазарский могильник, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 215, рис. 9.

* Разделяемую автором статьи точку зрения А. Н. Бернштама, что районные стены, поскольку они якобы не могут дать достаточно надежной защиты от набегов кочевников, создавались правителями для обуздания своих же собственных оседлых подданных, редактор считает надуманной, и ошибочной, М. М.

6. Смирнова, О. И. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 213 — 214, рис. 32 — 1,2.
7. Обельченко, О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. Труды САГУ, Новая серия, в. СХI, исторические науки, книга 12, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 126.
8. Обельченко О. В., Курганные погребения... цит. соч., стр. 129, сл.
9. Скалон К. М. Изображение животных на керамике сарматского периода. Государственный Эрмитаж, Труды Отдела истории первобытной культуры, т. I, Л., 1941, стр. 173 и след.
10. Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. П, Т., 1950, стр. 102, рис. 7.
11. Кабанов С. К. Археологические раскопки на Шортеле близ Карши. ИАН УзССР, 1954, I, стр. 89, рис. 14-6.
12. Ук. соч., стр. 92.
13. Вентович И. Б. Керамика Пянджикента. Труды Таджикской археологической экспедиции, т. П, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 136, рис. 5.
14. Wilber D. N. Summary description of the extant structures. Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology, v. V, № 2, New-York, 1937, стр. 96-97 рис. на стр. 98.
15. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. Вестник древней истории, 1950, № 4, стр. 158.
16. Массон М. Е. Прошлое Ташкента. ИАН УзССР, 1954, № 2, стр. 109.
17. Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г., Т., 1935, стр. 48.
18. Умняков И. И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году. Известия Средне-Азиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, вып. III, Т., 1928, стр. 268.
19. Иванович С., Легенды о Кампыр-Дувале. «Туркестанские ведомости», 1911, № 267.
20. Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 262 и след.
21. Наршахи Мухаммад. История Бухары. Перевод Н. Лыкошина, Т., 1897, стр. 45 и след.
22. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть II, СПб., 1900, стр. 115.
23. Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. Государственный Эрмитаж, Труды Отдела Востока, том II, Ленинград, 1940, стр. 147.
24. Толстов С. П. Периодизация древней истории Средней Азии. КСИМК, XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 27 — 28.
25. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 93.
26. Григорьев Г. В. Ук. соч., стр. 48.
27. Дьяконов М. М. Керамика Пайкенда. КСИМК, XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 89.
28. Якубовский А. Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. Государственный Эрмитаж, Труды Отдела Востока, том II, Ленинград, 1940, стр. 53 и след.
29. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 118.

30. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26, М.—Л., 1953, стр. 271.

31. История народов Узбекистана. т. I, Ташкент, 1950, стр. 185 и след.

32. Якубовский А. Ю. Восстание Муканны — движение людей в «белых одеждах». Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948, стр. 47, и след.

33. История народов Узбекистана..., стр. 218.

34. Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г..., стр. 147.
